

Оксана
Евгеньевна
Ларина

Весёлые

СКАЗКИ
В
СТИХАХ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ

12+

Оксана Евгеньевна Ларина

Сказки в стихах для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55716530

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05616-9

Аннотация

Хотите хорошего настроения? Можно окунуться в детство вместе со сказкой, такой же, как раньше, но повзрослевшей. Если вы любите стихи, то вам обязательно понравятся мои сказки – весёлые, знакомые и новые. Все они мудрые и добрые, какими должны быть настоящие волшебные сказки. Сорок пять волшебных весёлых сказок для взрослых. Для того, чтобы побывать в детстве, достаточно открыть эту книгу. Ухохочетесь. Если осилите.

Содержание

Аскольд и Анна (Спящая красавица)	4
1	5
2	12
Сон Султана	37
Перерождение	41
Журавль и Цапля	49
История одной Мухи	57
История Старого Ворона	67
Костёр	75
Курочка- Ряба	81
1	82
2	88
3	90
4	100
Колобок	104
Колин вал	115
Лиса и Кувшин	128
Мальчик – Воин	139
Моя Золушка	145
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Аскольд и Анна **(Спящая красавица)**

1

Снаружи замка совсем не видно -
Лишь ежевики поросли, да хвощ.
Но, если присмотреться близко – близко,
За ними каменные стены ты найдешь.

Когда-то в замке жил король веселый,
И доченька его – ну, вся в отца!
Без матери росла, и превратилась
В прекрасную принцессу-сорванца.

Отцу милы утехи ее были:
Охота, скачки, праздники, балы –
Всё нравилось. Но очень уж хотелось
Ему помельче, в доме, детворы:
Внучат и внучек.

Только вот принцесса,
Об этом и не думала. И вот,
Однажды на стене часы пробили:
"Пошел принцессе двадцать первый год".

– Повелеваю – ей король сказал, -
Родить наследников. Иначе, запрещаю,

Вам, дочь моя – пиры, гулянки, бал.
Всех, вон долой!

– Но, батюшка! Я не хочу, не знаю,
Как быть, и как возиться с мелюзгой.
Да и в отцах, я видеть не желаю,
Тех принцев, что приходят на постой.

– Ну, хорошо, родная, успокойся.
Сегодня я тебя не тороплю.
Но если ты к субботе не решишься,
То замуж, я отдать тебя, велю.

Так что сиди и думай, кто достоин
Великой чести и милости такой.
Неволить в этом я тебя не буду,
Но к выходному стать должна женой.

Я внуков жду. А лошадей и скачки,
Собак и егерей, и ястребов...
Пока ты мне наследника не сродишь,
Я видеть в своем доме не готов.

Прости. Я стар и мыслями недужен.
Но надобно признать, что я король!
Поэтому, ты, дочка, не артачься,

А приказанье выполнить изволь.

Что было тут! Прекрасные сервизы
Летели в стены, слугам – тумачи.
Но как тут быть? Хоть как ты не старайся,
А спорить, с королем-то, не с руки,
И дочери.

– Ну, что ж! – она сказала, -
Желаешь? Будет так!
Я заклинание одно в лесу узнала.
А заклинанье – это не пустяк.

Я сон приму. Столетия спать я буду.
И двор, и челядь, и отец король -
Пусть все уснут. Но если суждено мне
Стать матерью и мужнею женой,
Пускай тогда мой муж меня разбудит.

И вы, папа, коль это все не блажь,
Получите внучат, но, то – не прежде,
Чем праздника фанфары прозвучат.

И петухи споют, и солнце встанет,
И двор проснется – здоровый и живой.

Я, папенька, перечить вам не стану,
Лишь маленьким условием:

Женой хотите? Стану я женой!
Тот будет королем и мужем,
Кто через сотни лет, судьбою сужен нам:
Разбудит двор и короля, ну, и меня.

Теперь же все идем на ужин.

Король не стал перечить озорнице:
– Вот, бестия! Что правда – вся в меня!

Он почесал парик, расправил букли,
И двинул, ароматы разнося,
Со свитою, в обеденную залу.

Там, посреди гостиной, с балдахинном,
Уже кровать застелена была.
Принцесса на подушках разместилась,
А свита вся стояла у стола.

– Придумщица, не скучно мне с тобою!
Вот, бог, дочуркой, право, наградил.
К чему кровать к столу?

– Я спать здесь буду. Я не шучу,
Мой добрый господин.
А вы, кроватей, коли не хотите,
Так, в креслах, те столетья просидите.

– Упрямится! – король сказал для свиты, -
Ну ладно. Подыграем, промолчим.
Ей время надобно, оно ей дурь излечит.

Но был король уже неизлечим
От заклинанья.

Присел к столу устало. Присела рядом свита.
И захрапели, засопели сладко-сладко.
Дворец стоит заклятием укрытый.
Принцесса спит в своей кроватке.

Заснул дворец, и в сонной тишине
Прошаркала старуха в шали темной:

– Эй ты, король! Ты вспомнишь обо мне,
Проснешься, если... Если принцем крови,
Развеешь чары. Если поцелуй
Любви Священной, настоящей, честной –
Разбудит двор. Теперь ты – мой холуй.
А королева – я!

Хоть в царстве сонном -
Мои владенья, власть и мой закон.
А царствовать я буду неизменно -
Во веки – вечные.
Спи, бывший мой патрон.

Махнула шалью черной и исчезла
За дверью, оставляя пыли след.
Куда она пропала, мы не знаем.
А в замке спали все, и сотни лет

Он зарастал травой и паутиной.
Солидной патиной покрылось серебро.
Менялось время, с ним ландшафт менялся,
И мода... Замку было все равно.

О нем забыли добрые соседи:
Зачем – раз не играешь ты балов?
Но замок жил, и лишь один на свете,
Секрет остался в записях волхвов.

Нашел его скучающий философ.
Он беден был, хоть мастер поболтать.
Но ум его пронзительный и острый,
Все стали с малолетства отмечать.

Нет он не Байрон, и не Чар Гарольд.
Его мы просто назовем – Аскольд.

2

То свиток был
Истлевший, очень древний.
Никто не знал, откуда взялся он.
Секрет в нем был о древе королевском
Фамильном, ну, и всем другом:

Престранном происшествии.
О Замке.
О девушке стремительной, как лань -
Кто Анной называл,
А кто Амазонкой -
Охотницей...

Читаем свиток: Перед нами даль –
Огромный луг. За ним – дремучий лес.
Тревожный звук охотничьего рога,
В тот лес зовет. Охота, гон, кураж.
И Анна за рожком, в огонь и воду,
Скакать готова, но мешает паж.
Собаки в чащу не спешат идти.
И только ей не лень свернуть с пути.

Мелькнули, среди листвы, рога оленя.

Шпоры ударили в бока коня,
И понеслась. Осталась свита.
Что делать им? Дождем размыта
Дорога. Четкий след на ней.
Все за принцессой вслед. Смелей!

Лишь только в лес ступили
Лошадей копыта – след вдруг пропал.
Завыла свита: Что делать?
Где теперь искать наследницу?
Ну что с них взять?

Пока они кусают локти,
Принцесса едет через лес.
Тот, всё плотнее, с каждым шагом.

Вот, через ветки перелез,
Хорек – с хорошего коня.
Вот мышка – покрупней лисицы.

«Я под прикрытием хоря, пройду.
Какие птицы!
Не видела таких я сроду.
Какая дивная порода!
Перо – как сталь – острей ножа,
А переливы – радуг краше.

Я слов ни сколь не приукрашу,
Но не поверят. А размах!
На ней взлететь, должно быть, можно.
Вот папеньку бы удивить.
Подумать нужно,
А, возможно ль, летунью эту приручить?"

С такими мыслями она,
Задумчиво, сквозь чашу едет.
Шныряет рядом мошкара.
Роится, но не жалит. Реден,
Становится заросший лес.
Луч высветлил вдали опушку,
И видит девушка избушку:
«Откуда люди где – то здесь?»

Родившись розаном в семье,
Богатой, славной, королевской,
Принцесса хоть и стала дерзкой -
Добрее девы не найти
Ни во дворце, ни в королевстве.
Сиял свет звезд ей на пути.

Вот под такой, одной из них,
Она явилась в мир младенцем.
Мать королева, слабым сердцем,

Дочь народила и ушла.
Ей свита матерью была.

Король-отец любил охоты,
Балы, пирушки... Но остыл,
К веселой жизни, в мрачный день,
Когда жену свою зарыл.

Нет-нет, отшельником не стал.
Но пыл его почти пропал.

Лишь юной дочери глаза
Ему светлей, чем небеса.

Он королеву видел в ней:
Ту, что ушла, и ту, что будет.
Любовь, одна его рассудит,
И всё-таки, отец он ей.

Невест ему потом сулили,
Он их с поклоном отметал.
Одна настойчиво старалась
Понравиться, но видно сам,
Он не желал сторонних дам.

Жены себе он не искал,

А матери, для Анны – боле.
Он и представить не хотел,
Чтоб, как-то дочку, подневолить,
Под мачеху. Любил, наверно,
Сильнее жизни. Это скверным,

Казалось женщине одной.
Та доводилась им родней,
Во славном древе королевском.
Той, что на жидком киселе.
Была приятною и светской,
На людях. Злыднею – в душе.

Сто разных чар злодейка знала -
Варила зелье, кровь пила,
Все что хотела, то имела,
Но короля взять не могла.
Он был храним семьи любовью,
Она сильнее чар на крови.

Когда потеряна была
Её последняя надежда,
Злодейка жизнью поклялась,
Что станет королевой, прежде,
Чем Анна внуков народит.
Что за отказ ее персоне,

Патрону позже отомстит.

Она пропала с глаз долой.
Никто о ней потом не вспомнил.
Однажды, лишь сказали, вроде,
Что очень уж казалась злой,
Хотя старалась услужить,
Но без нее приятней жить.

На толстый сук кедровой ветки,
Присела птица-самолет.
А наша Анна, все вперед,
Сквозь дебри едет. Стал заметен,
Избушки древней, стен пролет.

Гнилые окна вниз спустились,
Почти достали до земли.
Дверные петли покосились,
А сами двери в землю вросли.

Дотронься только, сразу рухнет -
Казалось Анне, это всё.
Дотронулась. Дверь отворилась
Легко без скрипа. И в жильё,
Войти хотела., наклонилась,
Чтобы порог переступить...

– Ну, что, красотка, заблудилась?

«Кто это может говорить?»

Чуть в стороне стоит старушка.
(«Откуда ей в лесу здесь быть?»).
Передник расписной на ней.

Лукошко держит на весу,
Полнехонько грибных пампушек.

– Наверное. Пока не знаю.
Какие чудеса вокруг!
Я много странностей встречала
В лесу. Но, что сегодня...

Сук обломился, вдруг, под птицей.
Она взлетела с шумом ввысь,
И над поляною с избушкой,
Парила, словно сам Царь-птиц.
Порою, солнце закрывала,
И тень на землю посылала.
Но если, изменив полет,
Особо, крылья распускала,
То через них струился свет,

Как если бы Звезда упала.

– Вот, посмотрите. Чем не чудо?
Я и представить не могла,
Что есть такие. А откуда Вы здесь?
Живете здесь одна?

– Одна я здесь. И мир забыла.
Давно, признаться, это было.
Я ярко во дворе жила.
Потом отвергнута была
И удалилась. Оскорбленье,
Забывать я долго не могла.
Зализывая сердца рану,
Жила одна здесь в тишине,
И потихонечку Природа
Секреты раскрывала мне.
Я поклялась, что мой обидчик
Сполна обиду возместит.
Он все имеет, потому что,
Король, и очень знаменит.,
Вот только внуками, природа,
Его уже не наградит.

– Мне жалко Вас – сказала Анна, -
Жизнь пролетела здесь, в глуши.

Ведь, Вы, наверное, в то время
Прекрасны были, хороши.
Веселые вели беседы,
Мечтали ночью, при луне.
Как жаль мне Вас! Скажите мне,
На что потратили вы годы?
На злобу давнюю, обиду,
На месть? Зачем она нужна?
Ведь внуков и у Вас не будет.
Для них ступенечка важна.
Детей же нет – не будет внуков.
Ну и кому вредите Вы?
Печалью сердца и разлукой,
Вы от людей отдалены.
Хотите? Вас возьму с собою
Вновь в доме нашем поселю.
Вас обласкаю, и приближу,
К себе, потом и к королю.

– Кто ты – принцесса?

– Да. Принцесса.

А тот король – он мне отец.

Я думаю, что не случайно

Попала в этот странный лес.

Нам встретиться здесь было надо -

Поэтому свела судьба.

Зачем? Она лишь только знает.

– Признаться, стоит, – ты права, –
Но волшебство уже в работе.
Мне жаль. Отрадно, ты мила.
И пыл утих в охоте мстить.
Пойми меня, ведь так непросто,
Одной, в глуши забытой, жить.
Лишь мысль со мной. И та обида.
Но, что же делать? Для тебя
Моя душа теперь открыта.
Тебе я не хочу вредить.
И ведьмою непросто жить.

Да будет так! Вот это зелье
Прими и королю подлей.
Вы все уснете и проспите
Ночь не одну, а сто ночей.
И каждая – длиною в годы.
Такая волшебства природа.
Но вы проспите час один,
Как будто. Дальше господин
Придет и вас разбудит.
Вот он тебе и мужем будет.
Даст внуков королю природа.

Его ты знаешь. Он угоден двору,
Тебе и королю. Его ты любишь.

– Не люблю я никого!

– Не правда. Любишь.

Он часто к вам приходит в дом.

Умен, красив и одарен

Богатствами. Имеет титул.

Он молод...

– Кто это – Аскольд?

– Аскольд возможно.

Эта тайна мне не открыта.

– Как так можно?

Мир ведать, а чуть-чуть не знать.

– Да. Не забудь найти кровать,

И поудобней, чтобы смог он,

Тебя на ней поцеловать.

Вот что забыла я сказать:

Тебя лишь поцелуй разбудит

Священной, праведной любви.

А если он нечестным будет,
Всю жизнь проспишь. Иди. Живи.
Ты здесь по моему желанью.
Я удавить тебя могла.
Но ты добрее оказалась,
Чем я предположить могла.

Но короля я не простила.
Душа во мне давно остыла.
Теперь уж видно не разжечь.
Иди. Попробуй род сберечь.

Старуха подняла корзину,
Сложила пальцы калачом,
И свистнула. Сверкнул лучом
Блик от крыла парящей птицы -
Раздвинул лес и осветил.
На домик Анна обернулась.
Старухи дома след простыл.
Его как не было.
И ведьмы нигде не видно...
В вышине растаяла скупая тучка.

«Привиделось все это мне?
Вот это да! Знать леший водит.
Морочит разум ясный мой.

Ударилась я где-то крепко,
О сук, какой-то, головой.
Так это был всего лишь сон.
Ура. А-ну, вперед, мой конь!
В таверне
Отметим сей счастливый миг.
Там свита, с ног, наверно, сбилась.
И я, признаться, утомилась.
Где это фляга у меня?
Водой, немножечко умыться.
А славную казалась птица!
Мечта! А это, что за склянка -
Где видела я сей узор?
У ведьмы был такой на платье.
Так значит правда про проклятье.
Про короля и про Аскольда.
Ну, нет. Не верю. Ну и ну!
Но склянка есть. На ней узор.
А дальше поживем – увидим.
О встрече странной помолчу.
Ну а пока, на встречу, свите».

Как там философ наш – Аскольд?

Нашел он эту запись в пыли,
Одной из трех библиотек.

Потом ее штудировал годами,
И точно знал: что хочет человек,
Того он обязательно добьется!
А что нам бедным, делать остается?

Раскинул карту, поискал по свиткам,
Координаты места уточнил.
И в путь подался в модном пиджаке,
Со склянкой фиолетовых чернил.
Решил записывать для поколений,
Все стороны веселых приключений.

Вот та стена. Вот тот чертополох.
Искатель лестницу, к стене той приволок.
Он лез по ней, мечтая об одном:
Как бы не рухнуть вниз:
Об остальном – потом.

Залез на башню очень высоко
А ведь найти её казалось не легко.
Но ведь нашел! И вот совсем один,
Как древний царь, тот что:
"Пришел, увидел, победил".

Он очарован был самим собой -
Доволен, смел. «Один играл с судьбой».

Мечтал. Мечту от всех берег.
Теперь ступает на порог,
Где ждет его, его судьба.,
И честь, и слава, и борьба
В коллегии профессоров и скептиков.
А он здоров. И замок вот!
Он в дверь железную идет.

Со скрипом, петли поддались.
Свод потолка уходит ввысь,
Сквозь стекла еле свет идет,
И юноша вдруг узнает
Всю обстановку: «Дежавю.
Вот чудо! Будто я люблю
Сей дом".

Он видит – люди за столом.
Их много, только все храпят.
Собаки у стола сидят.
Вот шут. Вот первых дел министр,
А вот король. И, браво – Бис –
Корона, вся, сползла на нос,
А на коленях милый пес.
Все спят.

По центру балдахин и ложе.

"Ну-ка, что под ним?"

Какая девушка! Спит, как и все.

Что манит так к ее красе?

Нет губ алей. Красавица!

Изгиб бровей столь тонок и изящен,

Как и все черты...

Такой не видел красоты.

Свежа. Румянец на щеках.

И парень, поборов свой страх,

По воле сердца руку взял,

Принцессы, и поцеловал.

«Как кожа бархатна, нежна.

Осмелюсь, все равно, она ведь спит».

Но сердце, застучало чаще.

Испут: "Откуда этот сердца стук?"

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Обратно это дежавю:

И видит свиту он свою.

Как входит, в зал, с колчаном стрел.

– Да, здравствуй дядя. Поседел ты как,
Я не был долго. Как Анна?

– Анна? Все без толку.
Гоняет бравых женихов,
И ни один ей не здоров.
Опять умчалась по лесам.
Все вторит птичьим голосам,
И дикому всему зверью
Всю дарит молодость свою.
Останусь так без внуков я, -
Вздохнул король.

Тут полынья сквозь время,
Как-то затянулась.

– Ах, Анна! Чтобы ты проснулась,
Что сделать мне, любовь моя!
Как счастлив, что с тобою я
Вновь свиделся. Вот это чудо!
Тебя всегда любить я буду.

И наклонившись, очень нежно
Целует он свою невесту.

А сердце бьется все: тук-тук.
Но отчего-то вторит звук.

И рядом вот уже звучат
Два сердца. Ждать теперь внучат!

Король проснулся., свита, двор...
И задушевный разговор
Течет, чадит свечей угар -
Как если бы никто не спал.
Все было так, как было раньше.
Как продолжение без фальши.

Запел петух, и солнце встало,
Лучом скользнуло по окну,
Затем, сквозь тысячи стекол,
Набрызгало нам свет на стол!

Звучат победные фанфары.
Слетела время пелена.
И правильно! К чему она?
Кому она теперь нужна?
Лишь крой "Фореве" пиджака
Вперед переживет века.
Но мы над ним совсем не плачем,
Он важен в будущем и значим.
Беспокойный Султан.
Жил был султан. Имел гарем.
В нём было много места всем:

Семье, наложницам, супругам,
И всё ж султан искал проблем:

«Та – слишком страстна,
Та – доступна,
Та – оголяется, как вихрь,
Та – плодородна,
Та – дородна»...
Султан расстраивался в миг.

И вот решил себе сыскать,
Он, непорочную девицу.
Не чтоб – до свадьбы с ней не спать,
А чтобы мог он ей гордиться:

Её разумностью в любви, -
Таким... «размеренным рассудком».
Все женщины – одной крови,
В какую ни налей посуду.

И вот толпа из юных дев,
В сафьяне красном, палантинах -
Но, всё – не то, и все – не «Ах!».
Султан же рисовал картину.

Он на холсте изобразил,

Прекрасной незнакомки лик.
И только кисти отложил,
В него влюбился в тот же миг.

«Такую видеть здесь хочу!», —
Султан надежды возлагал,
На то, что собственной рукою,
Он идеал свой написал.

Посыльные трубили всем:
«Найти, доставить, привезти».
Сулили золотом калым —
«Какой сумеют унести».

Идут года, бегут часы,
Минуты сыпятся песком...
Султан гарем свой позабыл:
«Что толку – в неразумном, в нём?».

Луна росла и убывала,
Сменялись красотой рассветы.
Везде искали – не сыскали,
Девицу, схожую с портретом.

Деревья вырасти успели,
Сменялись травы на цветы,

Султан сидел перед портретом,
И были дни его пусты.

Шербет не освежал, приелись,
Деликатесы и халва,
И с каждым новым днём сильнее,
Теперь болела голова.

Детишки выросли в гареме.
Его давно забыл султан.
И все прекрасные супруги,
Забыли путь к его устам.

Они сначала долго ждали,
Не понимая, что случилось,
Потом по-бабьи передрались,
Потом сплотились женской силой.

Позвали лекаря, и вот,
Микстуру он ему несёт.
Султан микстуру эту принял,
Но только заболел живот.

Портрет теперь хранила стража,
Поскольку жены покушались.
И я их очень понимаю,

Они б пред Небом оправдались.

И вдруг: «О, Чудо! Есть. Нашлась.
Похожа. Честью поклялась,
Что целомудренная телом.,
Лишь с Разумом имеет связь.

Её к султану привезли.
Она очки на нос надела.
Взглянула косо на портрет:
«Свежо, – сказала, – живо, смело».

Султан ожил. Вновь, блеск в глазах.
Со страстью деву в спальню тащит.
Ну, а она ему: – Нашел?
Кто ищет, тот всегда обрящет.

Мне не до глупостей таких.
Я целомудрием прекрасна.
И если Вы, ко мне – Жених,
То все усилия напрасно!

Я не люблю мужчин, как вид.
Ценю лишь ум. Не мужью силу.
Прошу, при мне не раздевайтесь.
Мужское – обезьянье – тело.

Вы волосаты и грубы,
От вас козлятиной несёт.
Поэтому Вы мне простите,
Но я не для постели. Вот.

Могу развлечь Вас разговором,
Спеть, станцевать всегда могу,
В вопросе ж продолженья рода,
Я Вам никак не помогу.

Да – холодна! Зато – умна!
И точно, как лицо с портрета.
Но, не жена – я. Не жена!
Во мне не расцветает это.

У Вас премиленький гарем,
Совокупляйтесь на здоровье.
А я не для мирских утех,
И то могу себе позволить.

Я – образованна, красива.
Язык – Японский и фарси...
Могу быть капитаном, смело.
Но от постели... Нет. Спаси...

«Вот это, да!», – султан подумал.
Потом, по-русски, смачно плюнул.
Но, страсть разыграла! Он – в гарем.
«Сейчас пойду, устрою всем».

Пришёл. Метал огонь глазами.
Одну наложницу привлёк.
Потом другую... Но, с часами,
С султана выпал весь песок.

А с ним и вся мужская сила.
Капец! Ну, что ж: всему свой срок.
Часы не развернуть обратно,
Назад, не всыпать тот песок.

Султан, теперь, как муж, скучает.
Зато науку превозмог!
Его девица посещает,
И каждый день дает урок.

О том, как праною дышать,
Белок с жирами совмещать,
О том, как экономить силы,
И сколько точно, нужно спать.

Она хранит султану верность,

Во всём, всегда и насовсем.
Поскольку ложе не делили,
То Верная она – СОВСЕМ!

Всё б – ничего, да, вот, поди ж ты.
ТЬфу, тьфу, тьфу – через плечо.
Султан опять теперь вздыхает -
Он, вновь влюбился горячо:

На небе рассмотрел Звезду,
Через огромный телескоп.
Влюблён, теперь, в неё одну.
Мулла лишь обвенчать не смог.

Поскольку всем и навсегда,
Сияет с высоты Она,
По обстоятельству такому,
Она не может быть верна!

Сон Султана

Развяжет путы поутру,
В пустыне, длинный караван.
Накинёт на лицо чадру
Своей наложнице султан.

Огладит он ее лицо,
Затем, задержится у скул
Ладонями: – Прекрасна как!
Со счастьем, султан вздохнул.

Чужая, Дерзкая!
И сам ее он ездил торговать,
Хоть не пристало, но он знал,
Что сердце запоет опять.

На том базаре у него
нет равных и богаче нет.
А за такую красоту
Он мог отдать хоть целый свет.

Теперь везет ее в гарем,
Где птицей, в клетке золотой,
Она прекрасно станет петь

И перестанет быть чужой.

Ночь кончилась. Встает заря.
Шатер собрали и ковры,
И закачался караван
По морю рыжему земли.

Шелка, Сапфиры, Жемчуга,
Подарки... Среди них стилет
Дамасской стали. И, никто
Не знает стали той, секрет.

Арабский, рядом, конь идет.
И сбруя в бриллиантах вся.
А по песку гуляет вихрь
Пыль за собою унося.

Закружит там...Смотри – уж здесь.
Пустыни дух резвится. Вдруг -
Круг шире взял., потом ещё.,
Над балдахином сделал круг.

Лишь на секунду, от песка,
Слегка зажмурился султан.
Открыл глаза – а девы нет!

Идет качаясь караван.
Барханы мерно бороздит.
Пыль улеглась, и лишь дамаск
Холодной сталию блестит.

Поднял подарок свой султан,
Не верит собственным глазам:
Как в зеркале, в огромном камне,
Его наложница:"Салям!",

Ему лукаво подмигнула.

И на арабском скакуне
Как воин опытный верхом,
Обнявши шею, ножка в стремя,
Помчалась, скрытая хвостом.

Летела прямо по бархану.
Вздыхалась пыль из-под копыт,
Свивалась в вихри... Вслед за девой,
Вдогонку, тот песок летит.

Вздыхнул султан теперь печально.
И за минуту постарел. Что делать,
И кого казнить?
Ведь сам принцессу проглядел.

Проходит стороною время,
Грустит султан, тоскует он.
И вспоминает иногда
Прекрасный каблучок и стремя.

Ах, это был всего лишь сон!

Перерождение

Художник смешивает краски,
Но тщетно – нужной не сыскать -
Закатное над морем небо,
Обычной кистью передать.

Нет глубины, нет дымки, звуков,
Дерев дыханья, рюш из чаек...
Уже летучие вампиры
Ночь мастерством своим встречают.

И час настал! Открыла очи.
Сначала видно, как во сне:
Попарно – чаек, пара мышек,
Луна – одна должна быть – Две.

Ещё я не проснулась телом,
Глаза подводят, но, вперед:
Желанье будит: кушать – кушать,
Ведь запах над водой плывет,

Свежайшей полноценной плоти.

– Эй, мыши, вороны, ко мне!

Настала ночь, а с ней заботы,
Те, что и днём, но при Луне:

Насытить тело полнокровно.,
Душа давно уже пуста.
Минули леты от причастья,
Распятого людьми Христа.

Чем лучше я, чем те – другие?

Вот в точку фокус собрался,
И ясно вижу, как сияет
Венера – мать – Звезда моя!

Венеры дочь – Вселенной семя -
Я выживаю как умею,
На грешной Матушке-Земле.

– О, мама, мама! Я тоскую
О прошлой жизни меж людьми.
Зачем ты родила, такую?
Как трудно, мама, без Любви!

**

Закат все ярче, небо тише,
И мыши – чаще и быстрее.

Где чайки обрамляли крыши,
Теперь лишь свет ночных огней.

Теперь же всё мне здесь чужое,
Но не чужая всем здесь я.
Подточим зубки: на охоту -
В толпу – в толпу живых, друзья!

Вот пьянь – то алкоголь – не кровь,
А рядом девочки-ранетки.
Такую только зубом тронь,
Потом, поди – сыщи таблетки.

Одежды – ветошь Сатаны,
И амулеты его тоже.
Ах, дети, как же вы глупы!
Терпения ангелам. И все же:

Ловлю такси: – Давай, катай!

– Я помню вас.

– Я знаю, знаю.

Вперед смотри, не прозевай.
Вон светофор, смотри, моргает.

(Я вижу тварей неживых -
До чистой крови жадных тварей.,
Но нет её, как не ищи.
Нет чистой крови. Лишь отвары:
Наркоты, алкоголь, зараза...
Всего полно.)

– Давай, домой!

– Вы снова не сошли ни разу!

– К чему вопросы, дорогой?
Знакомы мы с тобой едва ли?

– Я вас все время вспоминал.
Не знаю, но мне показалось,
Что я давно-давно вас знал.

– Спасибо! Вряд ли. Вот расчет.

Но в руку, руку он берет.

"Какая кровь: жар, краски, ток,
Пульс бешеный, но очень ровный.
А, пальцы – тонкие, как Бог
Тебя лепил. Всё, всё, довольно.

Сейчас закапает слюна,
И вылезут клыки наружу!".
– Прости, мой друг, я не одна.
А ты езжай домой – послушай.

Послушай, доброго совета.

– А завтра можно я приеду?

– Давай прокатимся, но, в полночь.
Ну, а сейчас – домой. Исполнишь?
Ведь я расстроюсь, если завтра
Ты не вернешься вновь за мной.

**

Пришла – несолоно хлебавши.
Мышей в ловушке собрала.
Им крышки-голова свернула,
И кровь в бокал резной слила.

Хватает в кровососах крови.
Пусть суррогат. Ну так и что?
Довольно кровососов разных
Творец поставил на крыло.

Бокал не красной крови. Черной.

Что ж – рафинирован продукт.
Такое же едят живые.
Сейчас любой – такой же фрукт.

**

Венера красною стояла над морем.
– Просит дочь твоя,
(Огни прибрежные мерцали,
Там, вдалеке, была земля)

Спаси его святую душу.
Не дай в обиду, защити!
Лет – мало очень. Ты послушай,
Свети ему в ночном пути.

Пусть вечером ко мне приедет.
Тебе, как сына сберегу.
Он добрый юноша, я знаю.
Без помощи, я не смогу.

До утра я просила мать,
Жизнь жизни среди сущих дать.

**

Вот новый день и снова полночь.
Мелькнули фары меж машин.
И юноша остановил такси
Со мною рядом. Не один!

Веселая, с ним хохотушка
Сидела возле, в руке
Ее зажата погремушка -
Сердечко на Амур-стреле.

– Я обещал, и вот приехал.
Я знаю только этот дом.
А, телефона я не знаю.
Садитесь. Мы вас подвезем.

– Благодарю! Я тоже вышла,
Поездку нынче отменить.
Езжайте, милые, катайтесь.

Такие связи не разбить!

Не оторвать кусок,
И кожу зубами Зверя не пробить.
На шее тихо венка бьется,
Мир продолжает дальше жить.

Домой вернулась. Отпустила
Из клетки пленников-мышей.
На зеркало взглянула косо -
В пыли, как в зарослях плющей.

Давно его не протирала.
Зачем? Ведь не было нужды.
Но слой за слоем пыль стирала...
Из зазеркалья пустоты

Блеснули два зеленых глаза.
Как искра, в них сверкнула жизнь.
И очертанья остальные
Вдруг проявились. Присмотрись:

"Вот ты. Все та же, но другая.
Ты изменилась".

– Знаю, знаю!

Спасибо, Матушка, тебе,
И, Батюшка, тебе спасибо!
За жизни красоту и силу,
За состояние тепла,
За то, что по Земле ступаю,
Стараясь не наделать зла.
За дар Любви, за счастье жить,
За дар за все благодарить!

Журавль и Цапля

Утром ранним Журавлю
Каждый день забота:
Прифрантиться и пройтиться
Вдоль соседнего двора.

Жмут моднявые штаны,
Знамо дело, но терпи,
Коль задумал ты жениться.
Раз жену охота.

Подавчѐра пролетал
Над одним болотом.
Цаплю -кралю приглядел –
Очень, ничего, так.

Проживает Цапля та,
Прямо по-соседству.
Рыбный стол, без суеты,
Экономит средства.

Он, о ней спросил свою
Старую подружку.

– Цапля – так себе жена,
Разве что – французка.
Очень уж себя блюдет,
Прячется чего -то,
Может на одной ноге
Простоять полгода.
Вся скукожилась она
С этакой юдоли.
Сам то думаешь, ты как?
Не мужик ты, что ли?

-Я мужик, конечно "да"! –
Тут Журавль подумал,
Чуб косматый начесал,
На ладошки плюнул,

Наловил лягушек чан
(собирал по каплям),
И отправился вручать
Подношенья Цапле.

Весь законный выходной
Простоял у тела.
Бровью и не повела,
Что ты будешь делать?

Все лягушки расползлись
Из его корзины.
Шваркнул оземь он в сердцах,
Всё забрызгал тиной.

-Я ж к тебе, как человек –
Я же – все по чести!
Как об стену тот горох,
Нужен был невесте.

Выдохнул в последний раз -
Двинул восвояси.
Грустно, но не напоказ.
Плачь, но улыбайси.

Тут невесту как мешком
пыльным оходило:
– Что же, право, я стою.
Ведь он очень милый.

И лягушек, вон принес,
Целое ведерко.
Не уважила, а зря.
Как-то мне неловко.

Ногу опустила вниз,

И давай шагати.
Медленно и чинно так.
Как это некстати.

И пока она пришла
К Журавлеву дому,
Тот решил, что быть ему,
Видно, холостому.

Успокоился. Уснуть он
Намеревался.
Вдруг тук-тук, и громче – ТУК.
Кто-то постучался.

Открывает – обомлел:
На пороге цапля!
Шляпка с перьями на ней
И сережки-капли.

– Я пришла с визитом к Вам.
Пригласите, к чаю?

– Что такое! Я в трусах.
Ничего не знаю.

Целый день я простоял

Возле вас в оде́же.
Думаешь, легко мне было?
Глянь, зудит вся кожа.

Все лягушки разбежались –
Не собрать их вместе,
А ведь я их так ловил -
Думал, что невесте!

И совсем не по-мужски,
Прямо перед клювом,
Хлопнул дверью. - Уходи!
А потом подумал:

"Вот я дурень! Ведь она
В гости приходила.
И со мной была мила".
Потом окатило.

Стал натягивать штаны,
Натирать штиблеты.

– Цапля, милая, постой.
Что ты... я то...

Где, там!

Цапля – даже не пешком...
Два раза – крылами.
Только что присесть успела –
Слышит стук ногами.

В дверь, бесцеремонно так,
Журавлина содит.

-Ах, он, этакий мужлан!
Как меня выводит!

Повязала шарф на лоб,
Накропала капли.
Только не перестает стучать.
Что же делать Цапле?

– Так снесет он, право, дверь,
Лучше, уж, открою.
Темпераментный! Меня б
Муж такой устроил.

Скатерть быстренько на стол,
самовар, закуски. Дверь открыла.

– Ах, ты, дрянь! Я к тебе по-русски.

Широтой своей души,
Думал повиниться.
Тьфу. Да, чтоб тебе скорей
В яму провалиться!

Я же жить с тобой хотел,
Думал, чтобы – дети!
Но, такой вот чепухи,
Не встречал на свете.
Ухожу в последний раз!

Обомлела Цапля.
Снова это... и ОПЯТЬ!
И опять на грабли!

– Некрасиво, как-то я,
Снова поступила.
Он так страстно мне стучал -
Сразу б и открыла.

Так и ходят двое те,
Вымесив болото,
Только к свадьбе не идет,
Дело их чего-то.

Сказке этой сотни лет -

Мало или много?

– Хватит вам месить болото, -
Говорю им строго.

Глядь – они уже и вместе.

Вот что – Сила Слова!

Жить вам, Цапля с Журавлем,

Мирно и Здорово!

История одной Мухи

Я – Муха! Черненькая муха,
Которую комарик спас.
Ту, что паук, погладив брюхо,
В свой уголок отнес к припасам.

Он поживиться собирался
Грамулькой кровушки моей.
А ведь на празднике, был в списке
Средь уважаемых гостей.

Он сети плел давно, я знала.
Но для чего-то позвала.
Я просто радостью делилась -
Пузатым чайником хвалилась,
Который кушает дрова.

Ох! Натерпелась же я страха,
Когда меня он в лапках нёс -
Мохнатых черных раскоряках.
Как вспомню – вздрогну. Вот вопрос:

Их столько много вроде было -
Усатых, сильных летунов,

Но ни один не торопился
Помочь мне. Столько было слов -

Очаровательных и нежных.
Теперь молчали все в усы.
И громко бахали на стенке,
В такт, паука шагов, часы.

Потом, все знают, был комарик -
Проткнул рапирой Паука,
И праздник закружился дальше -
Жила история в веках.

К чему зашла издалека я?
Чтобы простой вопрос задать:
Как воспитали вы ребенка,
Что смог мне крылья оборвать?

Я ползала по школьной парте,
Весенним новолетним днем.
От счастья сердце замирало:
"Проснулась! Солнце! Вновь живем!".

Я пела. Просыпались мушки,
И червячки, и паучки.
Дремавшей у окна старушки,

Свалились толстые очки,

Когда она "на свет" чихнула.

А это был не свет, а я.

Я лапкой нежно щекотнула:

"Не спи, бабуся. Мы друзья!».

Она мне солнцем улыбнулась:

"Проснулась? Знать пришло тепло".

И на свободы мне открыла

Широкое свое окно.

Я благодарно ей качнула,

Эффектно, маленьким крылом!

"Весна, иду, я здесь!" -

Такую, я жизнь ждала во сне своём.

Меня встречали песней птицы,

И солнца яркие лучи!

Листочки в почках стали злиться:

"Пора б и нам, без толчеи".

И лопались во след мне почки!

И шум, и треск стоял такой!..

А пахло – божечки, как пахло,

Молоденькой живой Весной!

Зачем я в школу залетела?
Хотела лишь растормошить.
Там были дети. Я глядела,
Как деток научают жить.

Чертили там по доскам мелом -
По черным доскам на стене.
Я мушка черная. На темном –
Меня не видно. Не по мне.

Я жить хочу, и вам желаю
Весенних перемен вкусить.
Вот белая тетрадь какая!
На ней красиво заиграю,
И тень построю, и наверно,
Смогу ребенка насмешить.

Пускай смеётся! Что скучать?
Вон как насупил низко брови,
И носик трет – знать не доволен.
Попробую с него начать.

Я помню, как расположилась
На белой взлетной полосе.
Потом, вдруг началось такое,

Что не приснится в страшном сне:

Ребенок вдарил вдруг линейкой.

Но не убил, а оглушил.

Пока лежала без сознания,

Он мое тельце потрошил.

Зачем-то оторвал крыло.

Оно в его руках сломалось.

Другое, с мясом, выдиралось:

"Зачем тебе, злодей, оно?".

Мне света стало много: белым,

Слепил, как снег под солнцем, лист.

Хотелось спрятаться, но дальше

Еще ждал "маленький" сюрприз.

Злодей достал из пиджака

Два коробка.

Одним из них меня накрыл.

«Вжик» – закрыл.

Я слышала: звенел звонок.

Наверно, кончился урок.

Тут гомон, начался, и топот

Со всех сторон.

А дальше было много дел -
Стать тараканом предстояло.
Их было много: злобных детских,
Кричащих человеческих тел.

Они выбрасывали нас
Из коробков. Нас было много.
Потом узнала я: теперь,
Есть у меня одна дорога!

На той дороге: "Кто вперед?"!
И мечутся без крыльев мухи,
И слышат только визга звуки:
"Давай! Моя быстрее придет!".

Зачем ты, бабушка, прости,
Окно открыла – отпустить?
Зачем вы те, что крыльев нет -
Другим их рвете за совет,

На мир взглянуть – как он велик,
Как гармоничен и прекрасен!
Не оттого ль у вас их нет?
Нет, не было, во век не будет!

И строят самолеты люди,
И корабли, и паруса,
Но в подземелье их душа.

А ведь и вы могли б летать -
Другим не надо крылья рвать.
Чтобы ни вы, ни дети ваши -
О том не смели и гадать!"

Меня отдали рыбаку.
Устала бегать я бега.
Хотели на крючок надеть,
Наживкой, вместо червяка.

Вот-вот, уже блестит крючок -
Железный нос его остер.
Сейчас он тельце мне проткнет.
Но, рыбака как кто-то ткнет?
Острейшим жалом, прямо в глаз.

Он закричал и бросил нас:

Крючок с насадкой. Я – насадка!
«Быстрей бы упорхнуть в траву,
Но крыльев нет». И я украдкой
Тихонько поползла к тому

Кусту, что был поближе.
Ах, вот он кустик – ближе, ближе,
Он рядом – вот... вот... вот...
Тут, кто-то как меня толкнёт!

Свалились кубарем в траву,
А там канавка, да под горку.
Чуть отдышалась, огляделась:
А рядом ёжика иголки -

Все – все в листочках, а на них -
Полк из друзей моих родных.
Тут мушки, пчелки и жуки,
Комарики, шмели, сверчки.

И я заплакала. Мой друг,
Ты разве слышал, хоть бы раз,
Как плачет маленькая муха?

Конечно нет. Все потому,
Что голосок её для мук не создан.

Ведь рождена она летать,
А не рыдать и не страдать.

Закрыла лапками лицо:

-Простите мне. Мне больно,
стыдно... Я словно голая сижу,
Здесь перед вами, и обидно,
Что в том не виновата я,
Что нету крыльев у меня.

Мне не мешали. Дали волю.
Потом укрыли лепестком,
Потом, какая-то из пчелок,
Росинку принесла с медком.

Я вытирала горя слезы,
Держала ароматный чай,
Тут кто-то мне пыльцу от розы
Подал на кончике меча.

- Возьми. Не плачь. Я друг тебе.
И рядом сколько хочешь буду.
Нет крылышек – летай во сне.
А хочешь – на моей спине".
Там, где друзья – там рядом чудо!

Мелькали дни. И над прудом,
Где стать бы мне простой наживкой,

Пух полетел, потом ужи,
Клубками скручивались живо.

Потом, свои на свет желтки,
Кувшинки вынули со дна.
Затем укрыла лопухи их,
Прекрасных лилий белизна.

Я плакала совсем недолго.
Спаситель мой меня утешил.
Теперь мы с ним растим детишек,
Полет которых всё успешней.

Они как радуга сверкают,
Попав под, солнышка лучи.
И тех, кто крылья обрывает,
Любви сумеют научить!

История Старого Ворона

Давно не развлекала вас,
Мой добрый искренний читатель.
Вы мне и Неизвестный друг,
И мой доверчивый мечтатель.

Я мантией махну своей -
Укрою ею Ваши плечи,
И в путешествие своё,
Попробую и вас увлечь.

Куда отправиться хотите?
Хотите на вершины скал,
Где ни орёл, ни истребитель
Высот таких не достигал.

Там в облаках вершины тонут,
Там вой Сибилл, там духи стонут,
Там старцев древней старины,
На скалах, выбиты законы.
И лишь один столетний ворон
Знаком с историей страны.

Он зорко зрит блестящим оком

За суетой подножья скал.
Давно он силу растерял,
И всё как-будто ненароком.
Полёты все теперь во сне,
Но много рассказал он мне.

Ничто не пропадает даром.
И вместо силы дивных крыл,
Ему Создатель подарил
Другую силу. Это Мудрость -
Возможность видеть суть вещей,
Поступков странных,
Сути дружбы и чар любви
Среди людей.

Я вас с собою позвала,
Но Ворон мой о том не знает.
Под мантией сидите тихо,
Он откровенье начинает.

"То было много лет назад.
На месте скал был пышный сад
С лужайками, густой травой...
Шмелей и пчёл огромный рой
Нисколько птицам не мешал.
Он лишь нектары собирал.

И каждый летчик в рое том,
Знал место, труд свой, и свой дом.

Сочились медом все стволы -
От сердцевины до коры.
Тем мёдом был пропитан сад -
Был сладок фруктов аромат.

Всё шло вот так из века в век,
Но вот явился Человек.

В начале что-то всё искал,
Всё восторгался и вздыхал,
Затем, плоды, вкушая сада,
Их многократно изучал.

Однажды в полдень, в летний зной,
Уснул под яблоней одной.
Во сне увидел сон такой:
Табун идёт на водопой -
И весь из белых кобылиц.
А он как сильный жеребец,
Забыв себя – как под откос...
Вдруг перед ним, как в землю врос,
Забор высокий на пути:
"Не перепрыгнуть! Обойти?".

Он удивился. Ахнул: «Ах»!
Тын разрастался на глазах -
И в ширь, и к небу в высоту -
Уже не видно на версту.

Но видит парень в щель забора:
Поднялись кобылицы в гору.
А на горе, как будто вход
И надпись: «Здесь конезавод».

И жеребец, что было сил,
Решил пробить собою тын.
Он – вдарил с силой, лбом в забор,
Потом – другой. Тут струйкой кровь
Со лба закапала на нос.

В мгновенье кто-то сон унес.
Проснулся на земле сырой,
И бьёт о корни головой.

Открыл глаза, но проглядел,
Как с ветки яблоньки слетел,
Такой увесистый (ведь мёд)
"Бам-с", – по макушке вдарил плод.

Да видно не туда попал.
С тех пор наш парень всё искал,
Чего не сыщешь на Земле,
А видел если, то во сне.

Законов, множество, природы -
Спасибо яблоку – открыл:
Законы Мира, Небосвода,
И много-много разных сил.

Спилит деревья на бумагу.
Всех птиц на перья перевел.
Шмели и пчёлы сдохли сразу,
И перестал сочиться ствол.

Нет нынче сладких сочных фруктов,
А чтобы как-то возместить,
Теперь аграрии, продукты
Умеют из дерьма лепить.
Хоть аромат уже не тот -
Зато размером – с огород.

Всё, что осталось от пчёл,
Он всё на счётах перечёл.
Дома их все разворошили, чтоб изучить,
И разозлили тех пчёл так,

Что, где там – мёд?

Стал вместо сада огород.

И с огородом проживём,
До той поры, пока что в нём
Не станут почву изучать,
Поскольку могут заскучать
Учёной степени мужи
(И бабы тоже хороши).

Стал камнем тот прекрасный сад.
Земля фурункулом извергла
Его из раны, чтобы чистой
Осталась по краям земля.
Но к саду привязался я.

С ним вместе рос, летал, умнел,
Состарился и поседел.
Давно уже моё крыло,
Не помнит воздуха стихии.
Но здесь, на это высоте,
Я вспоминаю дни былые.

Отсюда видно всё вокруг.
Сибиллы с духами – мой круг.

Но взор остёр, и вижу я
Работу, даже муравья.
С них больше пользы для Земли,
Чем с тех, кто строит корабли.

Учёный знаменитым стал.
Всё "камень волшебства" искал.
Так заморочен был идеей,
Что не увидел целых скал.

Пускай, я среди пернатых – дед,
Я людям не даю советов,
Но знайте: в суете-сует
Вы проведете сотни лет".

Истошно крикнула Сибилла,
Дух гор ей что-то простонал.
– Прощай, – сказал мне Ворон тихо, -
Всё на сегодня. Я устал.

– Благодарю Вас, мудрый Ворон.
Я поклонилась. Он пропал.

Я не берусь судить Науку.
Я просто слушатель, как Вы.
Но, думаю, с таких учёных,

Спрос будет больше, чем с толпы.

Костёр

Трещал огонь, съедая жаром сучья.
Летели искры, пепелом – зола,
Текло лицо, воняли плотью кости,
Но вечная душа была жива.

Не крик, не вопль, а весть освобожденья
От плоти и от тьмы, и от тюрьмы.
– Какая женщина, – шушукались в совете.
– Кто же донес?
– Не знаем. Но не мы.

То утро было хмурым и печальным.
Крик ворона, меж посвиста пичуг.
Трепались, как знамена на флагштоке,
Рекламные растяжки: «Всем свой срок!
Вы все там будете. Лишь с тем различьем:
С наличием кто, кто с безналичием.
И всем заступницей, вам выступит душа.
А что за нею? Грош иль ни шиша?
Пока не поздно, прямо спозаранку,
Ждем вас в лицензионном банке.
Пусть будет грош, иначе – ни шиша.
Кому нужна душа, что без гроша?».

Высок костер. Высок и сам помост.
Подняться выше – только выше звезд.
И полетела ввысь. Остался крик.
Палач был не жесток, но в суть проник.

Он денег не просил, и мог бы сам
Помочь уйти лазоревым глазам,
Что с Солнцем говорили на Рассвете,
Тем, что смотрели в мир как дети,
Читали Звезды, верили Весне,
Летать могли при пахотной Луне.

– Заплатят за бессмертие души, -
Он передал.

– Души не дам. Верши.
Мне все перенести достанет сил.

– Храни вас Бог!

Звон стали известил, что на порог,
Ступила падшей грешницы нога.
Крестился всяк, кто сам вкусил греха.
Молился за себя, не за нее.
У каждого, свое жите – бытё.

Стонал огонь, ныл, плакал, завывал.
Крик жизни стих, а пепел догорал.

Черна смола от углей бересты.
На пепелище, после праздной суеты,
Нет никого. Поземка лишь да сор,
Что нанесло с угла, где мусорный котел.

Вот тонкий столб стоит, замотанный в тряпье.
Что это – чучело? Оно давно сгорело.
Тут ветер налетел, и оказалось, что,
То не столб – в тряпье. А человек... и –
Женщина – Дочь той, что догорела.

Стояла словно идол–истукан.
Потом упала в пепел на колени:
– Прости. Я не хотела.
Ты сама всему виной!
Теперь остались тени.
Весь Свет с тобой,
И Радость, и Любовь.
А мне достались Зависть,
Соль, да кровь,
Из оголенной вечной раны.
Ты и теперь моя, лишь – боль.

И в сотни тысяч раз, чем прежде,
Огромней.
Дай мне луч надежды.
Пойми, я дочь твоя!

И что же?

Поземка замела подножье,
Вокруг позорного столба.

«Что это? Я схожу с ума?».

– Не горься, дочь моя, не плачь.

И верен слову был палач.

Боль не страшна, страшна разлука.

И жалок мне твой скорбный плач.

Я, милое мое дитя,

Тебя укрою волей Бога.

И на подкошенном пороге,

Сумею планку удержать.

Живи, родная, и не бойся.

Я и теперь, и здесь вам – мать.

Вьюн рухнул в прах, всё стало тихо.

И средь нависших облаков,

Пронзив свинцовые обиды,

Луч Солнца осветил остов
Столба и кучку пепла.

– Опять на все ответ готов.
Ты неизменна. Что-же: "браво"!
Я счастлива, но я устала.
Тяжелый день. Зачем? И, ветер...
И кто теперь за все в ответе?

– Никто! Не ты. Верь мне, родная.
Душой своею заклинаю:
Люби теперь, любимой будь,
О дне тяжелом позабудь.
Всему свой срок, и стать счастливой,
За жизнь мою – тебе урок.

Довольно много говорили,
О том былом, что пережили.
Вдвоем.
Их ветер слушал.
Вдруг, как зимой завыл,
Пропал.
Потом все стихло.
И в ладошку
Упрямой дочери упал
Кусочек пепла -

Видно сердца.

И сердцем, сердце удержал.

Все это Сказка.

Но однажды,

Развеив утренний туман,

Кусочек сини в тучном небе,

Жизнь чью – то в жизни удержал.

А сини нет. Есть только Небо.

Дорога белым Облакам.

Курочка- Ряба

1

Прескучна жизнь была в деревне:
От посевной, до посевной.
Работали. Чудес не знали,
Да вот поди ж ты: стороной

Окольной, мимо ехал
Граф Калиостро. Был такой,
В то время Персонаж известный.
В науке вечно «с головой».

Что ни сезон, то он в бегах:
То там кого-то облапошит,
То здесь. Вот так вот, впопыхах,
И жил магистр наук различных.
Простых наук и необычных.

Народ болтал (а зря не скажут),
Что граф статуи оживлял,
Что повседневные предметы,
Он в драгметаллы превращал.

Что где-то там не поделился...
(Теперь в чести у всех дележки),

Собрался быстро, и теперь,
В бегах, он, от людей острожки.

Скиталец – даром что мудрец!
И вот в глухую деревеньку,
Не по своей он воле влез.
Дороги смыло. Нет пути.
Ну не пешком ему идти?

Карета, напрочь развалилась,
А он в бегах, и гонят псы.
Рожки трубят во все концы.
И нервная за ним охота -
Хоть вброд иди через болото.

Тут подвернулся мужичок.
Карету выправить помог.
Мосластый – даром что худой.
Карету поднял он рукой,
Поправил ось, там что-то ткнул,
Потом, как взял её, тряхнул,
Крутнул, на взвеси, колесо,
И доставать полез яйцо,

За ним и хлеб, и снедь, и лук.

Решил перекусить он вдруг.

Граф Калиостро обалдел:
«Вот это сила! Сколько дел
Обделать можно было б с ним.
Десяток заменить одним».

Он пригласил его на службу.
Пообещал пиры и дружбу,
Кураж, девиц, адреналин.
«Все будет», – сватал господин.

Народная гласит молва,
Что Сила может без Ума.
И, поговоркой ей отрада:
«Раз Сила есть – Ума не надо».

Вот как-то приближенно так,
Ответил графу наш ... силач.
Чем откровенно удивил.
Граф простоту его простил,
И даже больше: дал кольцо.
Им потереть велел яйцо,
То, что силач собрался съесть.
За сим сказал: «Имею честь!».

Карета дальше покати́лась.
За поворотом, испарилась,
Как будто не было её.

У мужика житье-бытье,
Никоим разом, не сменилось.

Он руки о штаны обтёр,
Вихор затылочный пригладил,
Кольцо богатое куснул:

– О, золотое. Славно сладил!
Отдам жене. Да толку в нем.
Носить нельзя, ведь не поверят,
Что не украл. Скажу – нашёл.
И так отнимут. Не поделят.

Под нос бурчал себе силач:
– Как он сказал мне напоследок?
Потри яйцо? Потру, пожалуй.
Сейчас потру. А лучше, съём.
Приду домой, все честь по чести.
Вот там яиц не перечесть.
А это вон уже помято,
Всё в трещинках – то там, то здесь".

Подумав, он разинул рот.
Вдруг, образ графа предстает
(Не полностью, а лишь лицо),
И очень строго говорит:
– Кольцо три срочно об яйцо!

Силач, на землю, аж, присел:
«Вот это да! Что это было?
Колдун! Кому я помогал?
Вот, вляпался».

Мужичья сила
Куда-то делась вся из ног.
«Ох, Господи, ты б мне помог!».

Перекрестился и потер
Кольцом яйцо. Оно раздулось,
В ладонях пару раз крутнулось,
Всё загорелось огнем,
Потом размером прежним стало.
Кольцо ж, рассыпалось, пропало.
Глядь, на ладони мужика,
Лежит яичка шелуха.

Тут разом наш силачдохнул,
Да скорлупу, с яйца, всю сдул.

И вот, в ладони у него,
Лежит тяжелое такое,
И сразу видно – золотое,
Так, килограммчиков на пять,
Яйцо.

-Ну, граф – ядрёна мать!
Я, и с кольцом, не знал, как быть.
Теперь – яйцо! Что с ним то, делать?
Сегодня мне не пообедать.
До дому, к ужину б, поспеть.

И, к дому, лесом напрямик,
Голодный двинулся мужик.

2

Шел дорогою. Ругался.
Очень сильно есть хотел.
В это время в голове,
Ум мужичий просыпался.

Спал он года тридцать три.
Надо ж, шут его бери,
О, заерзал-завертелся -
Непривычно как, внутри:

«В нем ведь килограммов пять.
Это ж можно хату взять,
И корову, и коня, и в округе зелена.
Можно самовар купить,
Чтоб чай ввечёру пить.
Двух наивных батраков
Можно взять. Я взять готов».

Так мужик дошел до дому.

«А жене то, как сказать?
Растрещит по всей деревне,
И тогда оно опять -

Не поверят и отнимут.
Как разборок избежать?

Как в бюджете провести?
Так мне нужно подвести,
Чтоб жена яйцо добыла,
Но контроль все ж соблюсти».

Поумневший, враз, мужик,
Мимо дома, к курам – шмыг.
Подложил яйцо несущке.,
Утро ждать пошел к подушке.

Он забыл, что был голодный.
Завалился спать свободным
От богатств и от работ.
Спал без снов и без забот.

3

Слышит утром через сон:

– Никанор, а Никанор!
Утром я пошла на двор,
Поросяткам, курам дать,
Да яички пошукать.
Глянь, что есть то, Никанор!
Не пойму. Эт, чёй-то – сор?

– Это? То – это – яйцо! -
Никанор создал лицо, -
– Дай, отец то поглядит.
Может то – метеерит.

Говорят, что может с неба,
Нам свалиться хошь куда.
Хорошо, что хоть в корзину -
То была бы нам беда!
Чаволдыкнуло б по лбу,
И побег бы по кругу,
Ладно, коль залопотал бы
На каком-то языку,
А то мог бы голым бегать,

Всем народам на смеху.

– Что ты, милай! Никано-о-о р.
Ты как будто видишь сон.
Не проснулся ты чего ли,
Или шоком поражен?

Ты смотри – яйцо. Златое!
И, в лукошке – среди яиц -
Теплое. Знать – дорогое.
Я слыхала, что среди птиц,
Иногда бывает Чудо:
Что-то там произойдет,
Иль захочет очень птичка,
То несушка принесет
Золотое, в свет, яичко.
А, ты что – «метеерит»!
Ну и где в сарае дырка?
Если б был метеорит,
Был омлет бы, не яичко!

«Вот так баба! Во, умище!
Недооценил.
Главное, чтоб не болтала.
Я б с яйцом повременил».

А жена уже хлопочет -
Кичка новая на ней,
А под мышкою хохлушка,
Видно, золотых кровей.

– Будешь жить теперь ты в доме.
Не в сарайке, а у нас.
Повяжу тебе я бантик,
Разукрашу – высший класс!

– Ты б, Матрена, помолчала.
Не болтай деревне всей.

– Да ты, что! Я всем сказала.
Ввечеру мы ждем гостей.

– Да, когда же ты успела?
Я же только что вот встал.

– Ты устал намедни, милый.
Я будить тебя не стала.

Побежала сразу к Шурке.
Точно золото. Как знать -
Проба может быть высокой.
Весит килограммов пять.

Что ты вдруг оторопел,
Подавился что ли?
На, скорей попей водички.
Дай тебя умою.
Я пошла. Меня зовут
Новостью делиться.
Я яйцо возьму с собой,
Заодно и птицу.

– Птицу, хочешь, коль – бери,
Но яйцо не трогай.
Не уймешься, дам по лбу,
Скатертью дорога.

Хлопнул дверью наш силач:
«Вот, де наворочал!
Говорила мама мне:
«Если дело к ночи,
Ляг – поспи, и все пройдет.
Утро – мудренее».
Да! Поторопился я.
Выкручусь – сумею.
Где-то у меня была
Золотая краска.
Я яичко подменю -

Вот вам и отмазка.

Ну, а кто его видал? -

Ничего не знаю.

Крашенку кладу на стол.,

Да подальше с краю.

- Чтоб руками не достали

Не хватали, слышишь, -

Вслух себе мужик сказал, -

Кто меня услышит?

Как засеять и вспахать,

Как собрать – всё маю.

Как со златом совладать -

Не могу. Не знаю.

Наварил яиц мужик,

И одно раскрасил.

Златом, как огнем горит,

Но фальшивой масти.

Только высохло – в окне -

Баба движет к дому,

И толпу с собой ведет.

«Быть бы хоть живому».

Сколь возможно – влезли все.

Мужичьем запахли.

Обступили стол с яйцом:

– Мы так не согласны.

– Это общее яйцо!

– Что там! Быть музею!

– Как деревне повезло!

Ну, а жадных – в шею.

Баба плачет:

– Никанор, я не виновата.

Я хотела похвалиться.

Мы ж теперь богаты.

Ты прости меня, мой муж,

Что такая дура,

Даже тридцать лет спустя,

Даром, что с фигурой.

А народец всё галдит.

Накурили в хате.

А один как закричит:

– Что же это, братья!

Не могла снести одно

Золото несущка.

Если в доме пошукать -

Будет и лукошко.

Так галдели, и к столу
Ближе подходили.
Вот, тем топотом своим,
Мышку разбудили.

Та взметалась по столу
Всей мышиной болью.
И свалила чашки две:
И с яйцом, и с солью.

Соль рассыпалась (к слезам),
А яйцо катилось...
Так, скатилось со стола,
Шлепнулось – разбилось.

Лезет посмотреть народ
На осколки злата,
Ну а там простой омлет.
Опустела хата.

Деревенским невдомек,
Как это случилось,
Что из «аурум» яйцо,
Так легко разбилось?

И простая скорлупа,
И внутри, простое.
– Крашенка! Ну, Никанор!
Ты спектакль устроил?

– Да. Повеселить хотел.
И, проверить, кстати,
Кто чем дышит, чем живет?
Сразу вижу – «братья"!
Ведь до Пасхи далеко,
Мы накрасим новых!

Все теперь на сход идут,
К, Никанора дому.

Посчитали, что он мудр
И умен. Что нужно,
Выбрать головой его,
На царёву службу.

Погалдели – разошлись.
Баба все рыдает:

– Что ж ты мне то не сказал?
Ничего ж не знаю.

– Ну, ну, матушка, чего
Ты так разрыдалась!
Это просто же яйцо,
А, злато, потерялось.

– Я же, Никанор, тебя
Очень уважаю.
И люблю до сей поры
С молодости.

– Знаю, – Никанор сказал,
Да и сам заплакал.
Хоть мужчина, хоть силач -
Слезы капают на пол.

Так сидят они, режут.
На полу яичко.

– Ну, потоп наверно будет!
То сказала птичка.

Посмотрела на на ревак
Рябушка – хохлушка.

– Не ревите – говорит,
Будет вам игрушка.

Не плачь, баба, не плачь, дед -

Будет вам яйцо в обед.
Не простое, не цветное -
Полновесно золотое.
Знаю, птичий я секрет.
Это вам устрою.

Вытирает слезы баба,
Вытирает слезы дед,
Им, в лукошко, золотое -
Курочка снесла в обед.

Дед яичко то достал,
В руки бабе передал.

Баба рада и довольна.
Напомадил дед усы.
У него лежит в кармане,
Точь – такое ж. Молодцы!

4

Бабе был урок прекрасный:
По деревне не звонить.
Дед наш тоже научился
Мозговиной шевелить.

Курочка сидит, довольна,
На яичках. Ждет цыплят.
И деревня спит спокойно.
Работяги мирно спят.
Ну, на что им тот музей?
Растеряли б всех друзей.

Дед яйцо конечно прячет,
Но в кармане, просто так.
Полюбуется и мыслит:
«Ну, какой я был дурак.
Поумнел хоть чуть немножко».
Глядь – карета у окошка.

В той карете Карл приехал -
Отчего-то в неглиже.
И смешное было имя:
Звали Карла – Фаберже.

Обокрали по дороге.
Все отняли – до штанов.
Карл известной был персоной
Ювелирных мастеров.

«Вот ему оно нужней», -
Дед достал с закута то яйцо,
И передал Золотое Чудо.

Карл ликует. Счастлив очень -
Формою яйца сражен.
Он, материй тонких делом,
Был в науку посвящён.

Никанор ему отдал и одежу ехать.
В путь-дорогу стол собрал,
И помог с ночлегом.

А на будущий год,
Где-то в то же время,
К Никанорову двору
Все спешат скорее.

Кони с бричкой под окном.
К ним бычок и тёлка.

Вот сундук с нарядами,
И монет кошёлка.

А глашатай возвестил,
Что дана награда
Никанору и жене -
Дом добротный с садом.

Это все ему дает
Матушка Царица.
По прошенью Фаберже
(Нам не знама птица).

Это уже опосля
Вся Рассея знала,
То, что Славу Государства
«Фаберже» ковала.

Не из стали-чугуна,
Не литые пушки,
А Яички золотые,
Да цацки-побрякушки.

Вот, от славы той чуток,
Мужичку досталось.
Ну, а бабыно яичко

Правнукам осталось.

Колобок

Жили – были дед и баба.

Ели кашу с молоком.

Надоела деду каша.

– Закусил бы колобком, -

Намекает бабе дед.

– Старый, я сама не против,

Но муки то в доме нет.

И тут деда понесло:

– Завтра первое число.

Пенсию давно проели,

За квартплату отнесли,

Валидолом закупились,

Кашей месяц весь давились.

Все. Так больше не могу.

Я из дома убегу

К Аграфене. Та все время:

"Никанор, зайди, пеку".

А тебя попросишь раз,

Пирожочек к чаю,

И сейчас тебе отказ!

Баба: – Ну, не знаю...
Можно, если, поскрести,
По сусекам помести,
Может, что и наберется,
Если только две горсти.
В принципе,
Две, может, хватит,
Если с манкой развести.

Дед сидит, молчит, надулся.
Бабе объявил бойкот.
А она не стала спорить,
А, совсем, наоборот.

По амбару помела,
По сусекам поскребла,
И три горсточки мучицы,
Для дедули, наскребла.

Плюхнула туда яичко,
Молочка, заправки, соль.
Тесто стало подниматься -
Вымесить теперь изволь.

Затопила жарко печку,

Маслом смазала горшок,
Аккуратно посадила,
В «чудо – печку», колобок.

Рядом села прясть-вязать.
Чтоб не смел он убежать,
Чтобы круглым получился
И румяным – нужно ждать.

Запах по избе поплыл.
Дед лежит в обиде.
Но, нет-нет, сглотнет слюну,
Чтоб никто не видел.

Бабка рада: вот и "да",
Что из пометушек,
Распрекрасный колобок,
Будет им на ужин.

Из горшка его достала -
Свежий он, огнянный,
И под пальцами хрустит
Корочкой румяной.

Положила остудиться
Около окошка.

Аромат на всю деревню!
Знать, прознает Прошка.
(Есть такой трепач–сосед.
Все расскажет, спасу нет).

Уморилась баба что-то,
Села чуть передохнуть.
Дед психует на диване,
И она вздремнула чуть.

Колобок глаз приоткрыл,
Смерил обстановку,
На окошко прыг и вниз,
На дорожку ловко.

Покатился, побежал
По полям пригоркам.
Он катился – веселился:
«Вот какой я ловкий!
Я разумный, молодой -
Полон сил горячих.
Все мне в мире по плечу -
Как я много значу».

Мимо кустика катился.
Заинька, на запах,

Из кустов терновых вылез.
Вспомнил он про завтрак.

Вспомнил, что не ел с утра.
Заурчало в брюшке:

– Колобок, поди сюда.
Глянь, какие ушки.

– Эх, ты, зайка-простачок.
Ты понять не можешь -
Я, хоть, вкусный Колобок,
Но и умный тоже.
Я ж от бабушки ушел,
И от дедушки ушел,
А от тебя, трусишка серый,
Сто пятнадцать раз уйду.

Куст терновый обогнул,
Заморочил зайку,
И вприпрыжку покатился:
– Зайка, догоняй-ка!

Заяц в ухе почесал:
– Вот, те! Ну и ладно.
Пообедаю морковкой,
Тоже будет сладко.

Колобок по лесу скачет.
Птички расппевают.
А ему на встречу волк.
Только Волк не знает,
То, что ловкий Колобок,
Он еще и умный.

Волк –
Спортивный зверь всегда.
Только ведь у всех спортсменов,
Завсегда одна беда:

Ножки быстрые, крепкие.
Мышцы красивые, гибкие.
Даже зубки от «Колгейт»,
Если близко посмотреть.
Но любого олимпийца
Можно запросто «нагреть».

Колобок ему на «пас».
Принял Волк. Как наподдаст!
Силу всю вложил в удар.
«Точно, как он мне, подал.
С ним хоть на чемпионат.
Прям, какой-то акробат.

Только где же ты, дружок?». Укатился колобок.

«Я же съесть его хотел.
Третий день голодный.
В рот сама еда катилась.
Вот спортсмен упертый!».

Колобок бежит, смеется.
Баммс! Вдруг на дорожке
Натолкнулся на большие
Бурые сапожки.

– Ну, привет. Куда летишь?
Про тебя наслышан.
Я – медведь. Люблю покушать,
Как и мой сынишка.

-Да, да, да, Михал-Потапыч,
Я не против – я ж еда.
Вы пока зовите сына,
Я вас подожду всегда.

Развернулся наш медведь,
И покосолапил
Сына по лесу искать.

Ну, а Колобок бежать!

Лес, дорога, эйфория!
Песню, катится, поет -
Про веселого такого,
Что под солнышком живет.
Что от Бабушки ушел,
Что от Дедушки ушел,
Что от Зайца ушел,
И от Волка ушел,
От Медведя ушел ...
И уйду, хоть от кого,
Кто б ко мне не подошел!

Вечереет. Все бежит
По тропинке парень.
Глядь, а у обочины,
Лиса стоит, зевает.

Ножку в алом сапожке,
На высоком каблучке,
На пенек закинула,
Чулочек поправляет.

Развернулась к Колобку
Распрекрасной попой.

Запах от нее по лесу
Пьяный – это что-то!

Колобок притормозил.
Сдал назад и смотрит.
Вот Рыжуха! Хороша!
Хочется подпортить.

– Эй, Лиса! Я Колобок!
Про меня все знают.
Я крутой и быстрый.

– Что?
Ничего не знаю.
Никакого Колобка.
Это что же, булка?
И катись себе, пока.

– Хорошая фигурка! -
Колобок хотел исправить,
Как-то неудобство.

– Я не булка, хоть еда.
Но, я быстрый, ловкий,
Хитрый, и ушел от деда.

– Мне то что за дело?
Я вообще-то на диете.
Мучное на запрете.

И, обратно, развернулась
К постреленку задом.
Поправлять другой чулочек
Аккуратно стала.

Наклонилась, натянула
Шелк, взъерошив юбку.
Колобок остолбенел.
Ступор – не на шутку.

А Лисичка повернула,
Только лишь головку,
И игриво подмигнула
Колобку:

– Эй, ловкий!
Ты же песню вроде пел.
Ну, когда катился.
Мне понравился мотив.
Что ж остановился?
Я послушала бы песню,
Но глуха я стала.

Прыгай ближе, мне на носик.
Вот и славно. Bravo.

Колобок зарделся весь,
На носу Лисички.
Он с Лисой глаза в глаза.
В них мелькают птички.

В них мелькнули отражаясь
Солнце, небо, облака...
"Это счастье!" – он подумал
И... Накрыла темнота.

Ам! Лисичка проглотила
Колобка в животик.
– Дурачок! – она сказала,
И обтерла ротик.

Колин вал

Я обработаю попозже
И текст, конечно, и ошибки.
С айфона править – всё, не то.
А мне довольно и улыбки!

Я заскучала здесь, гриппуя,
И сказку, хоть бы и такую,
Себе придумала и вам.
Не верьте сказкам. В них – обман.

Ах, как же он цветами красок
И чудных образов богат!
Хоть нужно с ним поосторожней -
Но он ни в чём не виноват.

Целую очень нежно всех.
Здесь гриппа вирус безопасен,
Поэтому и худа нет.
Ах, как же интернет прекрасен!

Ну, что? Пожалуй, что расскажем
Мы вам еще один секрет.
Мужчинам будет интересно,

А женщинам, наверно нет.

О чем бишь я? О Коленвале.

Есть у машины агрегат.

Но ведь никто о том не знает,

Что пару тысяч лет назад,

Живал в порту один парнишка -

Обманщик и известный плут.

В народе называли Коля

(Так друга моего зовут).

Вы зря решили, что коленку

Напоминает агрегат?

Неправильно. Плутиска Коля

Там оказался виноват.

Поспорил как-то он на то,

Что оседлает вал девятый,

Да разошелся не на шутку,

Поскольку, господин богатый

Сидел напротив, брови хмурил,

И удивлялся хвастовству,

Ведь знал он совершенно точно -

Тот вал принадлежал ему.

То был царь моря величавый.
Бывало мог он загрустить,
А чтобы грусть-тоску развеять,
Любил на пристань выходить.

Он изучал людей земных.
Им удивлялся ежечасно:
Их многословию напраслин,
Слов беспричинных и пустых.

Подводный мир его был тих.
Лишь иногда волна какая,
О берег с шумом разбивалась
Вдали от теремов морских.

Его советники – киты
И добронравные дельфины,
Могли при случае каком
Озвучить темные глубины.

В свои заманивая сети,
Русалки пели рыбакам,
Но всё миротворенье это,
Души не радовало храм.

Стал царь пристанище родное -
Родную бездну синих вод,
На время покидать украдкой -
Послушать как шумит народ
Многоголосьем и загадкой.

И девы пели звонче здесь,
Им вторили сверчки и птицы,
Здесь ароматом жгли цветы -
Царь оставался насладиться.

Он жадно мир сей наблюдал,
Корчмы затейный дух вдыхая,
И с интересом изучал,
Что значит суши жизнь Земная.

В один такой вот уикенд
(Ну, в выходной. Наречий много
Звучало здесь за много лет),
Услышал, как один рабочий -
Простой моряк, сметливый парень,
Рассказывал о странном свете,
Что углядел в морской пучине:

— ...Во след за ним большие волны
Пошли гулять со дна морского.

Девятая – размером с гору.
Пол острова, тогда живого,
Теперь – пустынного больного
Ключка среди морской пучины,
Слизала мокрым языком!

Моряк, каким-то чудом спасшись,
Нет-нет – смеялся без причины.
Народ внимал ему и верил.
Да, как не верить? Ведь не ввали,
До крови содранные руки,
И блеском ужаса, глаза,
Его безумные, сверкали.

(Народ)

- Царь моря видно не доволен.
- Или возможно запустенье
Постигло все его хозяйство,
Раз допустил такой разлом.
- Огнем горело дно? Ужасно!
А где был царь морской при том?

От этих слов горячей кровью
вскипело сердце Господина!
Дурмана спала плена,
С, зеленых властелина, глаз.

Он каждый день сидит в корчме,
И жадно пьёт дыханье розы -
Там рушится его страна -
Он погружен в мечты и грёзы.

Царь взволновался. И сейчас же
Морская взвилась глубина.
Царь со своей страной едины,
Как если бы она – жена.

Спасённый пал и стал молится:
– Смотрите, снова! Вот оно.

Но тут наш Коля появился.
– Мне – море ль, лужа – всё одно.

Сейчас же выдвигаюсь в путь,
Чтоб усмирить царя морского.
Вы ждите здесь недели три -
Хоть мертвого, а хоть живого.

В дорогу нужен мне... И вот,
Сейчас уже составлен список.

Коля:

– Мне нужен бот, прицепом плот,
И куча самых разных мисок -
Провизии, даров, оружий...
И денег очень много нужно!

Царь, наблюдая, удивлялся -
Куда кривая повернёт?
«Куда же этот плут собрался,
И как меня он там найдёт?».

Но, тем не менее, народ,
Собрать скорее скраб старался.

У Коли верный был расчёт -
Деньжищи сыпались без счета.

Наивный добродушный царь!
Он и не знал, что здесь на суше,
Лапше, лишь оголи ты уши,
Завесят, аж, до самых пят.
Так вот, потом с лапшой, съедят.

Наш плут со всех собрал бакшиш.
Был строг и скромн напоказ.
А, те купцы, что торговали -

На жемчуг сделали заказ.

Наш Коля ООочень обещал:
И, жемчуга, потом кораллов,
Потом русалок полонить,
А под конец так разошелся,
Что обещал царя пленить.

Он разошелся не на шутку,
Изображая, как тот спит
На троне, во весь рот зевая,
И вдруг (Бам-с! Бабах! Ох!, АААА!) оказия какая!

И так он это представлял,
Расписывая очень ярко.
Что царь наш вдруг захохотал!

И уронила ковш кухарка,
Когда над маленькой корчмой,
Цепляя головою небо,
Вдруг вырос образ. Да, какой -
Царя с зеленой бородой!

И в этот миг не каждый знал,
Что выбрать: зрелищ или хлеба?

Царь:

– Ты хочешь оседлать волну?
Пленить царя морских пучин?
Я горюю тебе: – Я – Царь!
А вот волна. На, получи!

Он поднял руку. В небесах,
Мгновенно потемнели тучи.
Вдруг смерчи-змеи заплелись,
А волны выросли. И круче

Была другая чем сестра!
И «соль морская» темной пеной,
Подводный мир перемутив,
На берег рухнула, за первой.

Забегал в ужасе народ.
Другие же остолбенели,
И как в гипнозе ждали ту,
Что так торопится за нею.

Но плут наш был не лыком шит.
"Пройдоха" – есть в народе имя.
Он разумел что будет бит,
А коль точнее, то – убит,
И в ум его пришла идея.

Коля:

– Величество, – он закричал -
Ну что ты разошелся, право.
Я это молвил для забавы.
Я лишь актёр, а мир – театр.

Ты царь, и обличил себя.
Неужто можешь ты смириться,
Что ты – простак из простаков?
С тобой нам это пригодится.

Театр в почёте у толпы.
Такого, браво, представленья,
Им бы вовек не увидать.
Но ты же не актер, ты гений!

Ведь если скажем: – Всё спектакль, -
Они перед тобою ниц
Падут. Простые люди,
Актеров, выше чтят, цариц.

Страх власти твой – то страх к тебе.
Но, вот любовь и поклоненье,
За жемчуг, злато – не купить.
Лишь сердце примет здесь решенье.

Мне подыграй. Но утаим
Мы ото всех такой сюжет.
Смотри, идет Девятый вал.
Решайся, ты – со мной ли., нет?

"Да! Эти люди знают толк,
И в развлечениях, и в обмане".

– Давай. С тобой! – ответил царь.
И тут, девятая волна,
Царю морских глубин внимая,
Вдруг подхватила молодца,
И, выше гор, где птицы ниже,
Его чудесно пронесла,
Чтоб всяк мог видом насладиться.

Лизнув прибрежные скалы,
Отхлынула, вглубь увлекая
Сестёр.
Все смерчи, как стволы,
Свились в один. Тут он растаял.

По повелению царя
Остались все благополучны.
Он с Колей – стали неразлучны.

Пленяет смелость и моря.

Теперь пучину покидая,
Прогулок ради, царь идет
В театр. И в каждом представленьи
Чудесной жизнью живет.

Всем сердцем полюбив Спектакль,
Подводный замок Мельпомене
Построил у себя на дне.
Все роли в пьесах отыграл,
Для жителей морских, на сцене.

Что Коля?
Знатен стал, богат!
На суше, в небе и на море,
Для смелости один оплот:
Живое сердце с Божьей волей.

А коленвал не потому,
Так инженеры называют,
Что на коленку он похож,
А потому, что люди знают:

На устрашающем – девятом,
На самом главном из валов,

Проехался геройски Колька,
Мой друг, и друг царя, со слов.

И Колин Вал – не коленвал,
Я думаю, вы мне простите.

Я женщина. Все на сегодня.
Ошиблась? С миром отпустите.

Лиса и Кувшин

Солнце светит с утра.
Тру – ля – ля, тру – ля – ля.
По тропинке – лиса.
Тру – ля – ля, тру – ля – ля.

Хвост за нею пылит.
Тру – ля – ля, тру – ля – ля.
Как по морю, лиса,
Между ёлок скользит.

Землянички горох,
Для неё уже: "Ох!"
И малинка на кусте (ох),
Мед в пчелином улье...

Ну, там, мышка ка-ка,
Иль, зверюшка ка-ка,
Надоело ей всё.
Хочет лишь молока.

Снится то молоко
Каждой ночью во сне.
А насытиться им

Утром можно вполне.

Нужно просто пораньше,
До солнышка встать,
И на дойку успеть,
Чтоб доярок застать.

«Ну, допустим:
Надоят они молоко.
Как придумать,
Чтоб вылакать было легко?

Там котище живет –
"Толстопузый мешок" -
Бровки сдвинет: "мур -мур" –
Те ему – туесок.

Я котом притворюсь,
Помяукаю чуть,
Спинку выгну дугой -
Проскочу как-нибудь.

Там не очень светло,
А доярки глупы.,
Лишь бы кот не мешал.
Избежать бы борьбы».

И лисичка в надежде
На дерзкий обман,
Репетирует кошкин
"мур-мур" по ролям.

Не выходит никак –
Только слышится лай –
Не идет изо рта,
Хоть сто раз открывай.

По тропинке виляет,
Мечтая, лиса.
А фантазия рядом
Творит чудеса.

Лес проснулся.
Вокруг все поёт и цветёт.
Запах нежный
По лесу лисичку ведет.

Здесь дурмана цветы,
Там цветет Иван-Чай.
Благодать! Что за запах
Пахнул невзначай?

Вдруг лисе показалось
(обмануться легко)!
Никакого обмана –
Пахнет так молоко!

Сразу рухнули планы
На дойку с утра.
Нос по ветру,
крен вправо – другая игра.

И лисичка, влекомая
Запахом пенки,
Поползла, не жалея
Хвоста и коленок.

Продиралась сквозь ветки,
Залипла в смоле,
Сто иголок – из меха
Не выдрать к зиме.

Ну и где это пахнет?
А-а-а, заветный кувшин!
Ждет обеденный час!
Бабы нет, он – один.

Лисичка оценила обстановку:

«Попа бабы наверху,
Голова у грядки.
Если долго простоит –
Будет все в порядке.

Грядка длинная,
Как всё бабьино угодые,
И поэтому, на час,
Наш кувшин свободен».

Подползла к нему лиса.
Он укрыт салфеткой.
Надо узел развязать,
да довольно крепкий.

Цель, однако, так близка!
Слюнки – по – колено.
Чтоб какой-то узелок
Помешал снять пену?

Размотала сверху холст.
Только, смотрит, в поле,
Баба выпрямилась в рост.
"Ой, ты, лисья доля!

Ведь сейчас поворотит:
Все дела, насмарку".
Только баба потянулась,
И обратно, в грядку.

«Нужно сердце мне унять,
И, продолжим дальше.
Как же молочко достать?
Подумать бы раньше.

Молоко, совсем внизу.
Горлышко пустое.
Опрокинуть вниз кувшин
Ничего не стоит».

– Хитренький какой кувшин,
Я тебе устрою!
Я хитрее в сотни раз.
Разберусь с тобою.

И лиса всей головой,
Вместе с рыжей шеей,
Сунулась кувшину внутрь:
«Выпью, сколь сумею».

«М – м – м, какое молочко.

Свежее, парное!
Сверху пенка у него,
Вкусно так, что стоит,

Нам лисичкам завести
Маленькое стадо.
Да малюсеньких коров.
И, чтоб, доить не надо.

Так, к коровке подошел,
И открыл бы ротик,
И текло бы молочко
Лисоньке в животик".

Пресчастливая лиса
Сыто развалилась.
Все – сбылась ее мечта -
Что бы всё так сбылось!

Только, что это за гул?
Это баба воеет!
Звук все ближе – знать поет,
Возвращаясь с поля.

Нужно, побыстрее, мне
От греха – убраться.

Да, кувшин ко мне прилип.
Как-бы отвязаться?

– Отпусти меня, кувшинчик,
Всё же я тебе не враг.
Мне же только молочка,
Нужно было. Как-то так.

Крепко-накрепко
Кувшин на плечах засел,
С рыжей лисьей головы
Слезть не захотел.

Плохо дело! Баба с поля
Возвращается. Обед!
Унести бы ноги в лес,
Скрыться там от бед!

Побежала в лес лиса -
С кувшином на макушке.
Ничего глаза не видят,
Плохо слышат ушки.

«Вдруг увидят меня звери -
Гам поднимут, засмеют», -
Привалилась к старой ёлке, -

«Посижу пока что тут.

Ладно, как-нибудь сама –
Чтоб никто не видел»:

– Эй, кувшин, быстрее слезай.
Как ты не солиден!

Я по-доброму прошу.
Ну, кувшин, ну хватит!
Что за шутки, не пойму?
Глупо и некстати.

Мне и голову зажал,
И, по плечи, шею.
Ну, кувшинушка,пусти,
Отпускай скорее!

Тот молчит, как партизан,
И, вообще – ни с места.
Вот так вляпалась лиса.
Знала бы – не лезла.

– Ах, ты, вредный. Ах, ты, плут!
Я тебе устрою!
Коль не слезешь по добру,
Будет тебе доля!

Так, ругаясь и гудя
Вышла она к речке.
– Ааа! – злорадствует лиса, -
Слышу – то местечко!

Раз не хочешь, по добру,
Отпустить лисичку,
То, тебя я утоплю.
Вот тебе – водичка.

Забрела она поглубже
На проточном месте.
Утонул её кувшин,
Да, и, с нею вместе.

И утопла бы лиса
Вместе с тем кувшином,
Если б не один бобер,
Что лепил плотину.

– Глазенькам своим не верю.
Чего не случится?
С кувшином на плечах
Лиса идет топиться.

Из реки за хвост достал.
Голова – в кувшине.
От него лису избавил,
Перенес к плотине.

Смотрит, ожила лиса,
Глазки приоткрыла,
Головою повела, и,
Сама хоть в тине,

Обращение к кувшину
Выдала сначала:

– А-а-а, знала, что – воды боишься!
И, в обморок упала.

Мальчик – Воин

Давно наверно, не писала.
Болела и неоднократно.
Какую сказку вам поведать
Под вечер? Да и мне награда.

Дракона камень потушила,
Хоть и остался след от раны.
Не каждый вынесет такое.
Лишь воин Света, это правда.

Монах в Миру! Об этом Чуде
Я расскажу вам сказку на ночь.
Вы спите. Я мурлыкать стану.
Пусть не покажется вам странным.

«Не ведая небесной воли,
Не слыша зов, лишь волей сердца,
Рос мальчик в городе высоком.,
Мечтал на звезды наглядеться.

Он жаждал надышаться ветром,
Среди высоких небоскребов.
Хотел парить за облаками,

Летать, как может только сокол.

Но город рвал его на части.
Работа, дом, заботы в доме.
А он ночами видел Счастье.
Он знал, что – есть. Но жил в неволе.

Свободный взрослый человек
Был подчинен добыче злата.
В грошах его эквивалент,
Что называют все зарплатой.

Раз хочешь жить – умей «пахать»,
Раз в месяц получить – раздать,
Чтоб снова, и из века в век,
Под гнетом денег – Человек.

Ради чего? Богатства для?
Работой не добыть богатства.
И тащат длинных три рубля,
Дракону подаривши царство.

В зеркальных окнах небоскребов,
Как у Алисы в Зазеркалье:
Ведется много разговоров,
Но весь исход от них печальный.

Наш мальчик вырос. Небоскребы,
Что так величием пугали,
Все оказались из железа,
Стекла, бетона, ветхой рвани.

Их ела ржа, притом нещадно:
Там хищники, где корма больше.
Он вырос и узнал про Свет,
Но он один. А что же дальше?

Он шел к друзьям спросить совета.
Совет был: «Ни о чем не парься».
А он хотел и жаждал Света.
И в храм за ним зашел однажды.

Он не нашел и в церкви Света.
Зато узнал про осуждение:
Не так стоял, не так молился...
И отдалился с сожалением.

Хотел прочесть у мудрецов
Об Истине, искал совета.
Но лишь мороку всех основ
Он почерпнул в потугах этих.

Но Свет его не отпускал.
И все сильнее манили звезды.
Он с соколом во сне летал,
Проснувшись, вытирая слезы.

И жар углей в груди пылал,
Когда о Свете он мечтал:
Жар нестерпимый, он в молитве
Его слезами заливал.

Друзья решили, что свихнулся.
Родные помогли им в этом.
А мальчик просто согласился,
Приняв услуги и советы.

Забыл о Чуде на года.
Но Чудо, потому и Чудо,
Что прикоснувшись, навсегда,
Тебя помажет Верой, будто.

Так, потихоньку, по шагам,
На ножки тонкие вставая,
За годы вырос целый Храм,
С огня Души, и Тела стали.

Дитя, что всех в миру слабей,

Что темноты в ночи боялось,
Прекрасным Воином Небес,
В глуши подросшим, оказалось.

И если с Соколом летал
Он в снах своих, и тем гордился,
Теперь на крыльях и своих
Парил, где не достать и птицам.

Дракона алчность попирал,
Читал людей теперь открыто.
И с сожалением узнал,
Что все почти, сердца, закрыты.

Лишь искры видел он в глазах,
Но тут же искры потухали.
Он видел ясно так же тех,
Кто, как и он, об этом знали.

Наш мальчик вырос. Стал мужчиной
И Воином Царя Небес.
Пусть жизнью он живет счастливой,
Чтоб сторонились мрак и бес.

Пусть на земле предназначенье
Исполнит то, что суждено.

Пускай послужит всем примером,
Как драгоценное Зерно.

– Ты задремал? У длинной сказки,
Всегда в друзьях – бродяга-сон.
Поспи, и пусть тебе приснится,
Как с соколом летает он.

Он не один теперь. Их много.
Как щит надежный над Землей.
Ты спи спокойно. Подрастай.
Они возьмут тебя с собой.

Моя Золушка

Я расскажу вам сказку -
Вновь старую, как время.
Ведь сказки все придуманы
Волшебником давно.

Я просто лишь рассказчик.
И Сказка «в новом платье»
По-новому играет,
Хоть в книге, хоть в кино!

Для Золушки, бал кончился,
Начаться не успев.
Лишь глянула в окно,
Как и мечтала.

Напыщенные франты,
Дамы в кринолине.
И всё вокруг в огнях!
Они манят в начале.

Король – обычный сноб.
Не в духе – королева.
Вон мачеха и сёстры.

В воротничке – отец.

Обратно к очагу,
Вернуться бы успела.
Ах, крёстная!
Такой, наверно, крест.

Нет грусти. Нет тоски.
Лишь разочарованье.
И скука смертная.
И пустота.

А времени так жаль!
И скороспелой тыквы.
Осталась бы на грядке,
Глядишь, была б жива.

Казалось всё таким
Нарядным и беспечным.
На деле оказалось
Дешёвой мишурой.

И платье, и мечты,
И бал, и танцы, танцы...
Лишь фокусы, иллюзия.

Часов на башне бой!

Двенадцать. За полночь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.